

Ясносокирский Ю. А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНЦЕПЦИИ «ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАЩИТЕ» С КОНЦЕПЦИЕЙ «ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ»

Аннотация. Предметом исследования является концепция «ответственности по защите», основные положения которой содержатся в ее базовом документе – Докладе Международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету (МКВГС) (2002). В аспекте проводимого автором исследования концепция «ответственности по защите» трактуется в качестве смягченного варианта концепции «гуманитарной интервенции». В предмет исследования включен также сравнительный анализ концепций «гуманитарной интервенции» и «ответственности по защите» с позиции противоречивости юридического принципа суверенитета государства и нравственного императива защиты прав человека. Методы исследования: системного анализа, синтеза, аналогии, классификации, исторический, сравнительно-правовой, систематический, структурно-функциональный, формально-логический, лингвистический, специально-юридический. Совокупность используемой методологической базы позволила гарантировать в итоге достоверность и обоснованность полученных выводов. Новизна работы заключается в выявлении автором того факта, что концепция «гуманитарной интервенции» противоречит международному праву, в то время как концепция «ответственности по защите» является эволюционным развитием данного направления международного права, при условии правильного ее применения на международной арене, что требует выработки критериев практической реализации данной концепции мировым сообществом.

Ключевые слова: международное право, концепция ОПЗ, гуманитарная интервенция, внешнее вмешательство, вооруженное вмешательство, вмешательство в суверенитет, гуманитарные действия, защита своих граждан, защита прав человека, государственный суверенитет

Review. The subject of this research is the “Responsibility to Protect” concept, the key positions of which are contained in its basic document – the Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (2002). The author interprets the “Responsibility to Protect” doctrine as a moderate version of the concept of “Humanitarian Intervention”. The author also conducts a comparative analysis of these two concepts from the perspective of controversy of the legal principle of state sovereignty and the moral imperative of protecting human rights. The scientific novelty consists in revelation of the fact that the concept of “Humanitarian Intervention” contradicts the international law while the “Responsibility to Protect” doctrine, if properly implemented on the international arena, represents the evolutionary development of this direction of international law, which requires devising criteria for practical realization of that concept by the global community.

Keywords: international law, «Responsibility to Protect» concept, humanitarian intervention, external intervention, armed intervention, interference in sovereignty, humanitarian actions, protection of citizens, protection of human rights, state sovereignty

Современное состояние мирового сообщества, характеризующееся глобализацией и присущими ей вызовами, побуждает международное право к дальнейшему развитию, уточнению и пересмотру основополагающих институтов – таких, как государство,

суверенитет, права человека. Проблемы международного мира и безопасности оказались выдвинуты в международном сообществе на первый план, и стремление предотвратить опасности международного терроризма, оружия массового уничтожения, геноцида и различного

рода гуманитарных катастроф привело к формулировке в самом начале нового XXI века новой концепции, занимающей все более важное положение в системе международного права.

Концепцию «ответственности по защите» можно трактовать в качестве смягченного варианта концепции «гуманитарной интервенции». Она выступает достаточно взвешенно к разрешению коллизионного соотношения государственного суверенитета и соблюдения прав человека. В то же время не в полной мере оформленный статус концепции, нерегламентированное закрепление оснований ее применения, ее трактовка как «формирующаяся норма» международного права оставляют широкое поле деятельности для специалистов в этой области.

Сегодня понятие «ответственности по защите» достаточно широко вошло в политическую лексику [13]. По мнению большинства исследователей, право на внешнее вмешательство должно возникать не в одностороннем порядке, а в случае принятия решение группой государств [14].

В этой связи появляется немало важных проблем, в частности речь идет о законности вмешательства, его целесообразности, полномочиях сторон, осуществляющих его, а также о нарушении целостной системы национальной безопасности. В данном случае возникает вопрос о защите прав человека в суверенном государстве путем применения внешнего вмешательства [9].

Концепции «гуманитарной интервенции» и «ответственности по защите» являются важными понятиями современного международного права, отражающими очевидное противоречие между юридическим принципом суверенитета государства и нравственным императивом защиты прав человека. На данный момент нельзя считать, что баланс между правомочностью и обоснованностью вмешательства в права государства найден ни на теоретико-правовом, ни на политико-практическом уровне. Вместе с тем обе концепции находят применение в международной политике, и наиболее актуальной задачей современного международного права видится точное определение, ограничение функций и общее обоснование возможности и/или необходимости применения к той или иной ситуации действий, связанных с «гуманитарной интервенцией» или «ответственностью по защите».

До сих пор отечественные специалисты по международному праву сравнительно мало внимания уделяли концепциям «гуманитарной интервенции» и «ответственности по защите», в то время как в западной доктрине вопросы обоснования вмешательства в суверенитет другого государства изучаются в течение многих лет.

Актуальность данных вопросов возросла в конце XX века в связи, в частности, с обращением Генерального секретаря ООН Кофи Аннана к мировой общественности с новым термином – «ответственности по защите» мирного населения от бедствий войны в соответствии с нормами международного права: «Если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ущемлением суверенитета, то как тогда отвечать на такие ситуации, как Сребреница и Руанда – грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем правилам человеческого бытия?» [цит. по: 8].

Реализация данных концепций, в современных условиях четкого определения и обоснования, является весьма угрожающим инструментом возможного политического вмешательства. Обе концепции могут, в потенциале, становиться основанием для «цветных революций», стать поводом для «легитимного» вмешательства во внутренние дела в узкокорыстных национальных интересах отдельных государств. Последовательная реализация данных концепций в указанном виде способна повлечь за собой подрыв международного права как юридического базиса современной системы международных отношений.

Вместе с тем в идеологии либерального Запада ведущим аспектом обсуждения проблемы применимости данных концепций становится аспект не юридический, а нравственный. Так, М. Уолцер – видный философ, занимающийся вопросами этики и войны, весьма эмоционально замечает: «Все государства заинтересованы в глобальной стабильности и даже в глобальной человеческой общности, <...> стоит лишь сэкономить на нравственной цене молчания и безразличия <к жителям отдаленных стран>, и вам придется заплатить политическую цену потрясений и беззакония у вас дома, ибо разве благопристойность может долгое время поддерживаться здесь, если ее уже давно нет там?» [15, с. 74–75]. Очевидно, что

ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

влиятельный идеолог использует фрейм «заражения», когда «потрясения и беззакония» могут легко переходить из страны в страну.

Обе концепции, являя собой крайне дискуссионные и противоречивые явления, соответственно, не имеют четкого политико-правового определения. На нынешнем этапе сложилась такая ситуация, что ни государства, ни международные политико-правовые институты, ни ученые не могут прийти к какой-либо согласованной и достаточно определенной позиции по этому вопросу. А следовательно, обе концепции нуждаются в глубоком и взвешенном теоретическом анализе и дальнейшем обосновании, при учете того что сфера их реализации как серьезных и влиятельных концепций современного международного права отражает тенденцию к расширению.

Понятие «вооруженное вмешательство с целью защиты прав человека» или «гуманитарная интервенция» в оборот ввели профессор международного права Марио Беттати и одним из основателей широко известной организации «Врачи без границ» – французский политик Бернар Кушнер (конец 1980-х гг.). данным термином определялись операции, что проводились в Гаити, Боснии и Герцеговине, Сомали и других странах. С тех пор данный термин широко используется в политическом лексиконе.

Возможность формирования данного понятия была детерминирована политической ситуацией, пришедшей на смену «холодной войне»; однако после некоторых из операций, проведенных в рамках реализации данной концепции, была осознана спорность данного понятия и необходимость его дальнейшего уточнения.

Весьма полное определение приведено в сетевой энциклопедии: «Гуманитарная интервенция или гуманитарная война – применение военной силы против иностранного государства или каких-либо сил на его территории для предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида местного населения» [3]. В этой же статье уточняются явления, не подпадающие под понятие гуманитарной интервенции (рис. 1). В виде мотиваций выведены «гуманитарная катастрофа» и «геноцид», что приближает данное определение к его пониманию в концепции «ответственности по защите».

Рисунок 1. Явления, не подпадающие под понятие гуманитарной интервенции

Принятые в отечественной науке определения «гуманитарной интервенции», таким образом, видят в ее концепции силовое вмешательство государства или группы государств в политику другого государства, допускаемое при определенных обстоятельствах (среди которых названы нарушение прав и свобод человека, тоталитаризм, гражданская война, геноцид и гуманитарная катастрофа) и проводимое при особых условиях (без санкции ООН, без согласия страны, насильственность). Даже краткий (в рамках данной статьи) анализ позволяет увидеть различия в определении феномена, который уже в течение длительного времени занимает важное место в политической и правовой практике многих стран мира.

Являясь популярным термином, в то же время концепция «гуманитарной интервенции» не зафиксирована как официальное понятие в международных актах современности, в том числе в общих (универсальных), локальных или двусторонних межгосударственных договорах. Другими словами, этот термин не является термином современного международного права. Именно поэтому понятие «гуманитарной интервенции» до сих пор остается размытым, а его определения множатся без уточнения сути определяемого явления. По сути отсылки политических деятелей к праву на «гуманитарную интервенцию» являются неправомерными в силу неопределенного статуса данного явления.

Неопределенность термина «гуманитарная интервенция» и, фактически, его противоречие нормам международного права привели мировое сообщество к поиску других концепций, спо-

собных обосновать возможность вмешательства в политику государства извне.

Отчасти эти цели преследовала созданная в сентябре 2000 г. Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. По результатам анализа оснований для легитимации «гуманитарных интервенций» ей был представлен доклад «Ответственность по защите» на рассмотрение Генерального секретаря и членов Организации Объединенных Наций (2001). Международными экспертами были введены понятия «ответственность по защите» или «ответственность за защиту» («responsibility to protect» или «R2P»). Кроме того они призвали в большей степени учитывать интересы пострадавших от войн и насилия гражданских лиц, которые обязано обеспечивать их государство или, в случае его неспособности или нежелания, – международное сообщество государств.

Фактически в докладе было сказано о том, что «ответственность по защите» – вариант «права на вмешательство», но принципиально новый. Предлагаемая концепция вносила коррективы в традиционное понимание государственного суверенитета, трактуя его не только с позиции наличия у государства прав, но и обязанностей. Изменение терминологии, по мнению авторов доклада, «помогает перенести фокус дискуссии туда, где он и должен находиться – на потребности тех, кто ищет помощи и нуждается в ней» [5]. Авторы доклада призвали уточнить политические цели, вести политический контроль, соблюдать нормы международного права при подготовке операций в соответствии с «ответственностью по защите». Ведение одобрения операций по реализации новой концепции Советом Безопасности ООН следует признать важнейшим отличительным требованием.

Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года также утверждал важность ответственности по защите: «Международное сообщество, действуя через Организацию Объединенных Наций, обязано <...> содействовать защите населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. В этой связи мы готовы предпринять коллективные действия, своевременным и решительным образом, через Совет Безопасности, в соответствии

с Уставом <...> с учетом конкретных обстоятельств и в сотрудничестве с соответствующими региональными организациями, в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» [6].

Следовательно, одно из отличий концепции «ответственности по защите» от концепции «гуманитарной интервенции» состоит в максимальной легитимизации предпринимаемых действий. Мировое сообщество настаивает на предотвращении и прекращении массовых нарушений прав человека, что говорит о необходимости законодательного и идеологического закрепления форм защиты людей от противоправных действий.

Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (2005) зафиксировал формирование новой нормы международного права по оптимизации работы Совета Безопасности в отношении массовых угроз: «Мы поддерживаем формирующуюся норму, предусматривающую, что существует коллективная международная ответственность за защиту, реализуемая Советом Безопасности, санкционирующим военное вмешательство в качестве крайнего средства в случае, когда речь идет о геноциде и других массовых убийствах, этнической чистке или серьезных нарушениях международного гуманитарного права, которые суверенные правительства не смогли или не пожелали предотвратить» [4].

Следует отметить неясность статуса «ответственности по защите» как таковой. Однако в 2011 году Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назвал концепцию «ответственности по защите» «новой нормой международной безопасности и прав человека, связанной с проявившейся ранее неспособностью международного сообщества предотвращать и прекращать геноцид, военные преступления, этнические чистки и преступления против человечности» [цит. по: 10, с. 97]. В этой связи можно прогнозировать, что в будущем возможен переход концепции от статуса «нормы международной безопасности и прав человека» к статусу нормы международного права, что актуализирует исследование воз-

возможностей и принципов, раскрывающих понятие данной концепции.

В отличие от сравнительно подробно исследованного понятия «гуманитарной интервенции», концепция «ответственности по защите» весьма редко становится объектом исследования в отечественной науке, хотя за рубежом эту концепцию обсуждают очень активно.

Одним из крупных отечественных исследователей концепции «ответственности по защите» является В. С. Котляр. Он называет концепцию, выдвинутую в докладе 2001 г., сбалансированной концепцией гуманитарной интервенции, хотя и указывает на определенную опасность злоупотреблений в этой сфере. Он приходит к выводу, что участвовавшие гуманитарные катастрофы и массовые нарушения прав человека свидетельствуют о том, что «изменение норм международного права по этому вопросу, видимо, действительно назрело» [7]. Позиция исследователя по поводу отношения России к данной концепции такова: «сегодня интересам России в большей степени соответствовало бы принятие – с необходимой модификацией – концепции «ответственности за защиту», чем ее отклонение» [7]. В. В. Гаврилов справедливо отмечает, что ответственность по защите «не может быть позиционирована как новая юридическая норма или принцип. Это скорее междисциплинарная международная «маршрутная карта», обосновывающая и определяющая перечень действий, которые государства и международное сообщество должны предпринимать в целях защиты мирного населения с опорой на существующие юридические и политические принципы и нормы» [1].

К. А. Сазонова, вслед за В. С. Котляром, указывает на важность понимания и применения данной концепции в международном праве для внешнеполитических интересов России, «в связи с чем представляется необходимым уделить более пристальное внимание анализу ее юридической составляющей с тем, чтобы не допустить злоупотреблений силой при практической реализации данной концепции» [10, с. 100].

Вопрос о соотношении двух взаимосвязанных концепций верно выражен в статье М. Т. Гигинейшвили: «Если соотносить концепцию «ответственность за защиту» и гуманитарную интервенцию,

то они соотносятся как целое и частное» [2, с. 32]. Крайней формой проявления ответственности по защите будет являться, так или иначе, вооруженное вмешательство. Вместе с тем такая возможность не дает оснований для легитимизации термина «гуманитарная интервенция», даже несмотря на мнение отдельных западных ученых: «Уважаемые ученые, судьи Международного суда ООН Брюно Сима и Стивен Швельбелль говорят о возможности трансформации концепции «ответственность за защиту» и гуманитарной интервенции в международный обычай» [2, с. 32].

Несомненно, необходимо различать понятия «гуманитарная интервенция», «ответственность за защиту», «защита сограждан за рубежом» и т. д. Необходимо отделить и исследовать как различные политико-правовые феномены:

- неотъемлемое право государства на защиту своих граждан, которые пребывают в опасности за рубежом;
- гуманитарные действия по защите человеческой жизни, когда имеют место массовые нарушения прав человека [8].

Первый круг явлений предполагает защиту граждан, находящихся в опасности за рубежом. Когда государство использует суверенное право на вооруженную самооборону и защищает своих граждан, чаще всего относительно небольшое количество.

В случае гуманитарной интервенции, государство или международная организация предпринимает вооруженные действия по защите граждан другого государства или государств для предотвращения массовых нарушений прав человека.

Концепции «гуманитарной интервенции» и «ответственности по защите» обе предполагают и предполагают легитимное применение силы и правовое основание для вмешательства государства или группы государств во внутренние дела суверенного государства. Вместе с тем важнейшим отличием между ними, на законодательном уровне, является более разработанный механизм контроля над реализацией концепции ОПЗ, причем ключевую роль здесь играет СБ ООН как легитимный орган, принимающий важнейшее решение.

Таким образом, «гуманитарная интервенция», как нестрого определяемый и неподкон-

тральный ООН феномен противоречит международному праву (в первую очередь, принципам невмешательства во внутренние дела, применение силы и угрозы силой, суверенитету, территориальной целостности, принципу мирного разрешения споров). Концепция «ответственности по защите» является эволюционным развитием данного направления международного права, это компромисс, ставящий во главу угла права людей; но при расширительном толковании есть опасность применения и данной концепции в узкокорыстных национальных интересах, что может приводить к смене режимов и другим результатам, далеким от целей защиты прав человека.

В современном международном гуманитарном праве не сформировалось также и обычной нормы относительно «ответственности по защите» без полномочий Совета Безопасности ООН, поскольку, несмотря на наличие определенного объема практики, международный

обычай *opinio iuris* [12] так до сих пор и не был сформулирован.

Из-за многомерности подходов концепция «ответственности по защите» воспринимается и трактуется по-разному в различных правовых, политических и культурных системах, что осложняет унификацию подходов, методов и способов ее регулирования. Поэтому крайне необходимо нормативно закрепить эти составляющие концепции «ответственности по защите» при решении многих проблем, связанных с ними с целью избежания новых проблем [11]. Также большим заделом станет выработка критериев практической реализации данной концепции мировым сообществом. Наконец, в системе международных отношений и международного права в настоящее время проходят трансформации относительно восприятия их основополагающих принципов, что может породить абсолютно новые, и в определенной степени сложно контролируемые явления, что является нежелательным для мирового сообщества в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гаврилов В. В. Соотношение и последовательность действий органов государства и международных организаций в рамках концепции «ответственность за защиту» в Азиатско-Тихоокеанском регионе Евразийский юридический журнал. 2010. № 12 (31). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1611:-l-r-&catid=194:2010-12-27-06-58-52&Itemid=1
2. Гигинейшвили М. Т. Проблема обычно-правовой природы концепции «ответственности за защиту» // Альманах современной науки и образования.-2009.-№ 7 (26): в 2-х ч.-Ч. I.-С. 31-33.
3. Гуманитарная интервенция [Электронный ресурс].-Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Гуманитарная_интервенция.
4. Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам [Электронный ресурс].-Режим доступа: <http://www.un.org/russian/secureworld/a59-565>.
5. Доклад Международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/525/72/IMG/N0252572.pdf>.
6. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml
7. Котляр В. С. Концепция ответственности за защиту как проект кодекса проведения гуманитарных интервенций // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/comm/776>.
8. Крылов Н. Б. Гуманитарная интервенция: право или бесправие? // Евразийский юридический журнал. 2012. № 10 (53). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=1600:2012-11-15-05-29-25&catid=116:2011-09-19-12-34-31&Itemid=1.
9. Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. – М.: Волтерс-Клувер, 2008. – 544 с.
10. Сазонова К. Л. Концепция «ответственность за защиту» в миротворческой деятельности организаций объединенных наций // Юридическая наука. – 2012. – № 1. – С. 96-101.

ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

11. Evans, G. and M. Sahnoun (2002): 'The Responsibility to Protect', in: *Foreign Affairs* 81(6), pp. 99-110.
12. Huth, K. P. (1998): 'Major Power Intervention in International Crises, 1918-1988', in: *The Journal of Conflict Resolution* 42(6), pp. 744-770.
13. Power, S. (2002): "A Problem from Hell": America and the Age of Genocide, New York: Basic Books.
14. Ratner, S.R. (2000): 'Does International Law Matter in Preventing Ethnic Conflict?', in: *New York University Journal of International Law and Politics* 32, pp. 591-698.
15. Walzer M. *Arguing About War*. New Haven. L.: Yale University Press, 2004. P. 74-75.

REFERENCES

1. Borshchevskii G. A. Rol' gosudarstva v formirovaniy preemstvennogo istoricheskogo soznaniya v kontekste problemy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossii // *Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. — 2012. — № 1 (yanvar' — fevral').
2. Glushchenko V. V. Riski innovatsionnoi i investitsionnoi deyatel'nosti v usloviyakh globalizatsii.-g. Zhelezodorozhnyi, Moskovskaya oblast': OOO NPTs Kryl'ya, 2006. – 230 s.
3. Glushchenko V. V. Korporatsii kak sub'ekty upravleniya geopoliticheskim riskom investitsionnoi deyatel'nosti v usloviyakh globalizatsii//*Vestnik GUU*,№1 (14), 2006,s. 201-212
4. Glushchenko V. V. Gosudarstvo kak geopoliticheskaya publichnaya korporatsiya v usloviyakh postindustrial'nogo global'nogo mira//*Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* № 7(16), 2007.
5. Glushchenko V. V. Geopolitikologiya kak nauchnaya osnova geopoliticheskogo prognozirovaniya// *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, № 7 (38), 2015, Chast' 4, Avgust, s.83-90.
6. Kuznetsov V. N. Geokul'tura. Osnovy geokul'turnoi dinamiki bezopasnosti v mire XXI. – M.: Kniga i biznes, 2003. – S. 8.
7. Sergeev V. M., Kazantsev A.A. Struktury mirovogo poryadka: istoricheskaya tipologiya//*Kosmopolis*. – 2008. – №1(20).
8. Bzhezinskii Z. Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy. – M.: *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2003. – 250 s.
9. Glushchenko V.V. Gosudarstvologiya i pravologiya (nauka o gosudarstve i prave-obshchaya teoriya gosudarstva i prava): krizisologiya gosudarstva, gosudarstvennoe antikrizisnoe upravlenie.-M.: IP Glushchenko Valerii Vladimirovich, 116 s.
10. Sapozhnikova N.T. Protsess globalizatsii i mezhdunarodnye monopolii / *Sovremennaya teoriya globalizatsii: ekonomicheskie ocherki*. – M.: GUU, 2002, s.63-75.
11. Gosudarstvennoe upravlenie v 21 veke: povestka dnya rossiiskoi vlasti:10-ya Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya fakul'teta gosudarstvennogo upravleniya MGU im. M.V. Lomonosova, 29-31 maya 2012 g.Materialy v 3 ch.:Chast' 1.-M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013.-736 s.-(materialy konferentsii).
12. Kordonskii S. Klassifikatsiya i ranzhirovanie ugroz// *Otechestvennye zapiski*, 2013, №2(53)
13. Strategii natsional'noi bezopasnosti RF do 2020 goda//<http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html/>